

Украина и Газа в политическом и социальном цикле Европы

(начало на стр. 1)

Спустя почти сорок лет после обвинительного заключения бывшего социал-демократического канцлера, баланс остаётся двойственным. С одной стороны, суждение о *непостоянстве* и *недальновидности* американской политики принадлежит не только Шмидту. Мао Цзэдун считал, что американские затруднения в ведении «долгих войн» должны были быть частью китайского стратегического расчёта; он советовал вьетнамскому руководству в 1968 году упорно сопротивляться, потому что в конце концов внутренняя конфронтация в Вашингтоне выведет на поверхность фракции, выступающие против «продолжения войны». Киссинджер в своём обзоре стратегии США в книге «Мировой порядок» приходит к выводу, что Вашингтон трижды за два поколения не смог завершить свои войны в Азии и на Среднем Востоке из-за неспособности поддерживать внутренний консенсус в течение достаточно долгого времени.

Тот же Джо Байден в начале войны в Газе предупредил премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху, чтобы тот «не повторял ошибок», которые Вашингтон совершил после 11 сентября, именно в ходе интервенций в Афганистан и Ирак. В Кабуле Вашингтон после двадцати лет вернул правление талибам с непродуманным выводом войск, бросив на произвол судьбы течения и население, которые его поддерживали. В Багдаде армия и государственные структуры Саддама Хусейна были распущены без подготовки альтернативы, в результате чего правительство оказалось в руках проиранских шиитских группировок, а суннитские присоединились к ИГИЛ. Нельзя сказать, что многие из этих ситуаций не были известны американским руководителям; дело в том, что Соединённые Штаты часто верили, что смогут преодолеть вековые разломы и традиции с помощью огромных экономических или военных ресурсов, а затем разочаровывались в связи с тем, что внутри страны трудно сохранять стратегическое терпение, необходимое для их внешнеполитического действия. Отсюда понятие *усталость* от войны, которое так часто возвращается в американские дебаты.

С другой стороны, даже несмотря на непоследовательность и непредвиденные результаты, нельзя сводить империалистическую проекцию США к субъективистской карикатуре череды ошибок. Остаётся верным, что, когда всё сказано и сделано, объективное соотношение сил в балансе держав не может не иметь веса и что мифы и идеологии американской *исключительности* были *ложным сознанием*, с помощью которого долгосрочные стратегические тенденции прокладывали себе путь.

В образах холодной войны Америка, конечно, могла представить себя паладином свободного мира перед лицом тоталитарной угрозы со стороны СССР, несмотря на то что Берлин в 1953 году, Будапешт в 1956-м и Прага в 1968-м показали глубокую слабость Москвы, с трудом удерживающей даже свою ближайшую сферу влияния. И всё же в этом действительно *ложном* сознании жизненно важного противостояния двух сверхдержав Вашингтон и Москва поддерживали раскол европейского империализма, а США предотвращали или, по крайней мере, препятствовали сближению Европы и СССР.

В Азии эта вера в экзистенциальное столкновение между двумя блоками вылилась в теорию доминирования. Не обращая внимания на растущие разногласия между Китаем и СССР и игнорируя национальный характер требований Вьетнама, США развязали кровавую войну в Индокитае, воображая, что если падёт Сайгон, то за ним, как костяшки домино, одна за другой последуют все остальные азиатские столицы. И всё же, пусть и ценой разрушительного конфликта, который подорвал внутренний консенсус в Вашингтоне настолько, что смёл Ричарда Никсона в Уотергейте, Соединённые Штаты намеревались этой войной предотвратить слияние восстановленной промышленной мощи Японии с потенциалом демографического масштаба Китая. Никто иной как Киссинджер, сформировав в 1971 году фактический альянс с Китаем, выстроил игру баланса, которая позволила Пекину достичь империалистической стадии, не позволив Токио создать свою собственную эксклюзивную сферу влияния в Азии. Подтверждая, что *унитарный империализм*, глобальная империалистическая система, не в состоянии поддерживать стабильность порядка, сегодня приходится уравнивать умножившуюся мощь Китая. Это поднимает противостояние до уровня борьбы сил континентального масштаба, и здесь вновь

появляются идеологии, представляющие Китай и Россию как *авторитарный блок*, который необходимо сдерживать во имя свободы Запада.

Что касается Среднего Востока, ставшего объектом резкой критики Шмидта, то Джулио Андреотти оценил «*войну по выбору*», предпринятую в 2003 году Джорджем Бушем в Персидском заливе, как типичную американскую интервенцию в «*ситуации, которую они не знают*», последствиям которой суждено сохраниться «*на десятилетия*». И всё же, несмотря на все противоречия и непредвиденные последствия, с которыми США пришли на смену старым французским и британским колониальным державам, Вашингтон до сих пор преуспел в достижении цели, провозглашённой в 1980 году доктриной Картера, – предотвратить враждебный контроль над регионом и *энергетической артерией Персидского залива*.

Однако на протяжении как минимум двух последних десятилетий сама интервенция в Ирак ставит вопрос о том, способны ли США одними своими силами обеспечить безопасность средневосточных *открытых дверей* и как они смогут справиться с растущим влиянием Китая. В целом, в отношениях на глобальной шахматной доске США впервые со времён второй мировой войны столкнулись с экономически и стратегически сильной державой, способной бросить вызов старому порядку. И они находят в *многополярной динамике* такое состояние глобального баланса, с которым больше нельзя справиться методом проб и ошибок, потому что сегодня есть другие игроки, прежде всего Пекин, способные воспользоваться этим.

Каковы последствия для Европы, выявленные *кризисом порядка*? Во-первых, *война в Газе* и в некоторой степени *Украинская война* с пророссийской фрондой Венгрии подтвердили, что ЕС очень трудно централизовать эффективную позицию в политических рамках, требуемых противостоянием. Не будем вдаваться в обсуждение инициатив по реформированию договоров, где повторяется предложение распространить в Европейском совете мажоритарное голосование на вопросы обороны и внешней политики: это будет темой предстоящих европейских выборов и планов будущей Еврокомиссии. Можно сделать замечание о дисфункции, которую демонстрируют противоречивые действия двух высших фигур Союза – председателя Комиссии Урсулы фон дер Ляйен и председателя Совета Шарля Мишеля. Хорошо известно, что без каких-либо изменений в договорах эти два поста может занимать один и тот же человек; это демонстрирует, что централизация общего голоса является вопросом политического, а не юридически-институционального решения. С другой стороны, можно предположить, что единая фигура, совмещающая председательство в Комиссии и Совете, получит такое влияние, что государства не согласятся на это без уравнивания. Что касается внешней и оборонной политики, то трудно представить себе единое председательство без противовеса в виде Европейского совета безопасности, который фигурирует во многих предложениях по реформе договора.

Во-вторых, констатация политического запаздывания Европы, безусловно, может сочетаться с оценкой Шмидта об игре вторым номером, которую ЕС может использовать в противовес американским действиям. Однако и в этом случае кризис порядка, главным гарантом которого являются Соединённые Штаты, имеет большое значение. В новых особенностях противостояния с его ускоренными темпами, а также в стратегических последствиях относительного американского упадка, маргинальность и эффективность европейской тактики также сокращаются или, по крайней мере, трансформируются.

Можно вспомнить о двух направлениях влияния европейского империализма в его ближнем зарубежье. На Востоке *атлантический момент*, вызванный украинской войной, подорвал европейскую политику в отношении России и отменил пятидесятилетие немецкой *Ostpolitik*, основанной на обмене газа и капиталов. Берлин даже пережил настоящий акт войны, с атакой на газопровод «Северный поток – 2», без какой-либо видимой реакции. Оставит ли возможный спад *атлантического момента* место для европейской инициативы, путём перевооружения и влияния на Украину, опосредованного началом процесса вступления в ЕС? Посмотрим; между Европой и Россией по-прежнему лежит пропасть, которая будет тяготить долгие годы.

Что касается южного фронта, то Франция потерпела неудачу на своём африканском направлении, не вызвав при этом настоящих европейских стратегических дебатов, хотя события в Сахеле демонстрируют, что одной национальной мощи Парижа уже недостаточно

для удержания позиций. На южном берегу Средиземного моря, в Ливии и Сирии, обосновались или укрепились Турция и Россия, а Китай и Индия вступают в региональную игру. И здесь, если игра ЕС вторым номером сведётся к пассивности, навязанной внутренним расколом, стратегический ущерб может стать необратимым.

Несколько лет назад в заключении к книге «Реакционный терроризм, империалистический европеизм, коммунистический интернационализм» мы уже рассматривали *«гипотезу, выработанную в марксистской лаборатории»*, выдвинутую Арриго Черветто в отношении *«варианта Zollverein для Среднего Востока»*. Поводом послужил мир между Египтом и Израилем, о котором Садат театрально объявил в ноябре 1977 года, произнеся речь в Кнессете, израильском парламенте. С крахом после четырёх войн *«прусского варианта»* – военного объединения региона – можно ли было предположить, что вокруг оси Египет – Израиль возникнет *«зона свободной торговли за счёт саудовско-иранских капиталов, израильских менеджеров, разложения пятидесятиmillionного крестьянства Египта и Судана»*? В соотношении сил в этом регионе Иран и Саудовская Аравия по-прежнему имели бы *«решающие»*¹ значение, – таков был вывод Черветто.

С годами формула *«общего средневосточного рынка»* несколько раз становилась одной из тем израильского политического противостояния. Это был проект Шимона Переса, несколько раз занимавшего пост премьер-министра от Партии труда («Авода») и министра иностранных дел в правительстве Ицхака Рабина во время подписания соглашений в Осло, который именно на основе этого мирного процесса выдвинул гипотезу *«общего рынка»* по образцу Общего европейского рынка и Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Таким же было, согласно египетской газете «Аль-Ахрам», предложение бывшего премьер-министра Яира Лапида на выборах в ноябре 2022 года, если бы его коалиция победила «Ликуд» Нетаньяху.

По мнению «Аль-Ахрам», предложение Лапида противостояло линии «Большого Израиля»; решение израильско-палестинского конфликта на основе *«двух государств»* сделало бы возможной *«иордано-палестинскую конфедерацию»*, которая могла бы присоединиться к проекту средневосточного общего рынка. Тель-Авив, имеющий *«высокотехнологические возможности»*, смог бы преодолеть ограниченность, связанную с *«узостью израильского рынка»*; Израиль мог бы стать *«двигателем общего рынка так же, как партнёрство между Францией и Германией стало двигателем Общего европейского рынка, ЕЭС, а затем и ЕС»*.

Мы отмечаем, что перспектива распространения Соглашений Авраама на Саудовскую Аравию также является частью регионального измерения, но в оптике конкуренции с влиянием китайского *Шёлкового пути*; финансы нефтемонархий Персидского залива должны поддержать *Хлопковый путь*, коридор ИМЕС, заявленный на Большой двадцатке, а также портовые и инфраструктурные проекты, которые соединят Средиземноморье с Индией. Мы также отметим, что для фракции Нетаньяху план не включал формулу *«двух государств»*, которая должна была быть предложена палестинцам, и что, согласно намерениям, приписываемым администрации США, в региональном балансе эта инициатива усилила бы Саудовскую Аравию за счёт Ирана.

В конце сентября, за несколько дней до террористического нападения ХАМАС на израильские кибуцы и войны в Газе, Кристин Лагард выступила на *«средиземноморских встречах»*, проходивших в Марселе с участием Папы римского Бергольо. Президент ЕЦБ осудила ослабление связей между северным и южным берегами Средиземноморья и выступила за новую интеграцию, в том числе в ответ на *«новую геополитическую эпоху»*, когда *«географическая близость, промышленный потенциал и молодая рабочая сила»* делают южный берег кандидатом на *«nearshoring»* и *«friendshoring»*², перераспределение производственных цепочек, которое сопровождается *«усилением конкуренции между великими державами»*.

Похоже, мы видим два направления региональной интеграции, одно из которых более европейское, а другое исходит из американо-саудовской инициативы; они могут сходиться или конкурировать. Факт остаётся фактом: исключение Ирана, с оставлением палестинского вопроса на усмотрение Тегерана и его клиентов, является одним из факторов, вызвавших террористическую инициативу ХАМАС и ускоривших войну в Газе.

Неужели планы США, которые оказались настолько перекошенными в направлении достижения взаимопонимания между Израилем и саудитами, должны ассоциироваться с американским «*наивным оптимизмом*», критикуемым Шмидтом?

Подозревать, что это так, заставляют тезисы советника по безопасности Джейка Салливана за несколько дней до войны, когда он утверждал, что Средний Восток «*никогда не был таким мирным за последние два десятилетия*». С этим согласен Эмиль Хокайем из Международного института стратегических исследований (IISS) в Лондоне, который говорит, что региональные дебаты до 7 октября были захвачены «*гипнотизирующей возможностью*» нормализации отношений между Израилем и Саудовской Аравией при содействии США. Вашингтон сосредоточился на «*экономической региональной интеграции*», но возможность «*региональной дэскалации*» перемещалась между «*успокоением*» и «*желанием*», игнорируя или недооценивая постоянство конфликта.

Если и есть место для европейской инициативы, можно сделать вывод, то она, в конвергенции с Китаем, могла бы касаться роли Тегерана: по мнению многих, включая *The Economist*, Иран хотел бы занять место за столом региональных переговоров. Именно в отношении Ирана, продвигая СВПД о ядерной программе, ЕС проявил инициативу, втянув в него противодействующий этому Вашингтон. Подтверждением противодействия является тот факт, что впоследствии Дональд Трамп денонсировал договор.

Вопрос осложняется кризисом в Красном море, где нападения на суда из Йемена со стороны шиитских и проиранских хуситов могут вызвать третий фронт войны, наряду с Газой и южным Ливаном. Американская инициатива «Хранитель процветания», предусматривающая создание военно-морских сил для защиты маршрутов, движется по острию ножа возможной эскалации конфликта с Ираном, от которого всё больше дистанцируются в ЕС, начиная с Франции и Испании. Очевидно, что даже игра вторым номером со стороны Европы требует тактических дозировок и модуляций, которые должны быть сведены в скоординированную общую политику: действовать без определённого порядка или просто отстранённо сопровождать американские линии, описанные Шмидтом, стало недостаточно.

Давайте перейдём к вопросу Европы и *украинской войны*. Появились признаки отлива *атлантического момента*, вызванного конфликтом. Ян Бреммер, аналитик Eurasia Group, пишет в *Financial Times* о том, что «*пик НАТО*» и «*пик трансатлантического выравнивания*» преодолены.

С различными оттенками, начиная с *Zeitenwende*, «смены эпохи», объявленной Олафом Шольцем в начале войны, вопрос о немецком и европейском перевооружении стал с большой осторожностью обсуждаться в Германии. Одна тема – восстановление германских обычных сил, другая – расширение зонтика французских *force de frappe*³ для гарантии Европы, опять же в качестве дополнения к американскому ядерному сдерживанию в рамках НАТО.

Политические дебаты, и уже не только в СМИ или ограниченные исследовательскими центрами, ориентированы по всей Европе двумя результатами войны – политико-стратегическими и военными. Во-первых, возвращается ребус о надёжности обязательств США перед Атлантическим альянсом. Этот вопрос открыто обсуждался в начале президентства Трампа, сегодня он вновь становится предметом дискуссий перед лицом вполне реальной гипотезы его возвращения в Белый дом. По правде говоря, этот вопрос уже окрашен атмосферой сомнений на последнем отрезке президентства демократов. Байден сталкивается с трудностями в получении от Конгресса одобрения финансирования Украины, Израиля и Тайваня, а столкновение фракций в преддверии праймериз охватило всю Республиканскую партию, в которой ассигнования на внешнюю политику увязли во внутренних пропагандистских проблемах, связанных с иммиграцией.

Во-вторых, конфликт на Украине зашёл в тупик окопной войны, участники которой соперничают в способности мобилизовать большие массы солдат в конфликте с обычными вооружениями. Это вновь возвращает к числу угроз для Европы возможность конфронтации с Россией и необходимость сдерживать её с помощью адекватной обычной силы – перспектива, которую крах Москвы 1989–1991 годов настолько отдалил, что в 1990-е годы продолжалось её партнёрство НАТО и даже выдвигались гипотезы о членстве России в Атлантическом альянсе. С конца 1990-х годов эти рамки уже были подорваны как войной в Косово, когда Москва прекратила координацию с Западом, защищая своё влияние на

Белград, так и последующими попытками расширения НАТО. Даже договоры ДОВСЕ, которые ограничивали и регулировали развёртывание обычных вооружённых сил в Центральной Европе, подверглись критике и были перечёркнуты ходом войны.

Восстановление крупных европейских вооружённых сил касается как будущей обороны той части Украины, которая будет ассоциироваться с ЕС и НАТО, так и ответа на давление Москвы на Эстонию и Молдову, где проживают значительные русские меньшинства. В этом смысле следует трактовать инициативу эстонского премьер-министра Кайи Каллас, которая в контакте с Эмманюэлем Макроном выступает за европейскую оборону, финансируемую из федерального фонда. Именно в этом смысле следует воспринимать выступления министра обороны Германии Бориса Писториуса за восстановление конвенционального сдерживания России, в котором он напоминает, что отмена призывной армии была «ошибкой».

Линия Писториуса вновь отсылает к рекомендациям Шмидта. Экс-канцлер утверждал, что крупные германские и франко-германские обычные силы, несомненно, смогли бы справиться с армиями СССР. Это должно было сочетаться с распространением французской гарантии *force de frappe* на Германию как дополнительного инструмента в отношении американской гарантии в НАТО, но также и как защиты от американских колебаний и перебоев.

Шмидт также считал стратегию НАТО ошибочной, о чём писал в 1990 году в книге “Die Deutschen und ihre Nachbarn” (“Немцы и их соседи”). Эта стратегия недооценивала германские и потенциально франко-германские обычные силы и переоценивала силы СССР и Варшавского договора. Обычные силы стран-членов договора в Восточной Европе в стратегических оценках НАТО прибавлялись к силам России, тогда как их следовало бы вычитать: часть аппарата СССР в этих странах предназначалась для контроля над этой сферой влияния, а не для наступательных целей в отношении Запада.

С точки зрения Шмидта, как следствие недооценки баланса обычных сил, стратегия *гибкого ответа* НАТО предусматривала использование тактического атомного оружия против российского нападения – гипотеза, которую бывший канцлер считал аномальной, поскольку она превратила бы Германию в поле ядерного столкновения.

Следует задуматься о том, как сочетание двух итогов войны – неопределённости в отношении американских обязательств и возвращения российской конвенциональной угрозы – повлияет на европейские течения, начиная с более откровенно атлантистских. Реакцией Рейнской Европы на *атлантический момент*, привнесённый войной, и смещение центра тяжести Атлантического альянса в Польшу и Северную Европу было попыткой сделать хорошую мину при плохой игре, запустив перевооружение, которое сталкивается с недоверием и трениями даже в промышленных альянсах основных групп военного производства. Возможный откат *атлантического момента* как следствие американской *усталости* или новой фибрилляции Трампа может привести к тому, что внимание вернётся к встречной страховке *европейской обороны*. Смена правительства в Польше может пойти в том же направлении: хотя и в условиях неизвестности сосуществования с враждебным президентом, появление коалиции, собранной вокруг Дональда Туска – опять же в евроатлантических рамках – может вернуть внимание к Европейскому союзу и франко-германской оси.

Каковы обозримые сроки для такого стратегического курса? Американская позиция станет определяющей в течение года, после избрания нового президента. Процесс вступления Украины в ЕС, при условии, что он не сядет на мель, займёт не менее десяти лет. Кристиан Мёллинг из DGAP, немецкого института внешней политики, в своём исследовании “Fragile Sicherheit” (“Хрупкая безопасность”), считает, что России потребуется от шести до десяти лет на восстановление своих сухопутных войск после окончания украинской войны. Писториус, в интервью газете *Welt*, говорит, что понадобятся пять-восемь лет «на то, чтобы наверстать упущенное как в армии, так и в промышленности и обществе». В качестве способа приблизиться к восстановлению массового призыва министр обороны рассматривает «шведскую модель» – сочетание всеобщего призыва молодёжи и добровольного призыва. Газета *Frankfurter Allgemeine Zeitung* пишет, что ещё нет понимания, что придётся делать выбор между соцобеспечением и военными расходами.

Станет ли это знаком нового политического и социального цикла в *кризисе порядка*? Этот вопрос будет обсуждаться по всей Европе.

---

¹ – Реакционный терроризм, империалистический европеизм, коммунистический интернационализм. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2018. С. 218.

² – Перемещение производства и в целом бизнеса в первом случае в ближнее зарубежье, а во втором – в “дружественные” страны.

³ – Сил сдерживания.